

4. Рейтинг социального самочувствия регионов России. Вып. 1. 2013. Авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/27> (дата обращения: 20.01.2014).
5. Рейтинг социального самочувствия регионов России. Вып. 2. 2013. Ноябрь. [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/44> (дата обращения: 20.01.2014).
6. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.riarating.ru/> (дата обращения: 20.01.2014).

Статья поступила в редакцию 20.02.2014 г.

УДК 323.213 +316.323.72

Ю. А. Ермаков

ФОРМИРОВАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»: СОВЕТСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Раскрываются советские способы создания «нового человека»: ценностная дезориентация, культивирование личности псевдособственника, принуждение к единомыслию, превращение во врага. Показано, что их применение привело к появлению целой галереи типов личности, которые стали «человеческой базой» существования реального социализма и обрекли его на историческое поражение.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советский строй; личность; миф; собственность; привилегии; гомо советикус.

В эволюции человечества в череде сменяющих друг друга культур, экономических формаций, политических режимов каждое общество, обретая новый социально-экономический уклад, постепенно и в значительной степени стихийно формирует присущие ему типы человеческой личности. Иными словами, создает такие сравнительно новые модусы субъективной структуры статистического большинства людей, которые строятся на вновь возникших поведенческих и духовных алгоритмах и выражают специфические особенности и уникальность того или иного социума.

Вместе с тем эти социокультурные образования являются не просто отражением общественных изменений, но служат активной «человеческой базой» для укрепления и защиты политического правления, социальных структур и экономической организации этих обществ. Очень точно и понятно сформулировал данный процесс у отдельного человека Э. Фромм: «...в процессе приспособления к новым социальным условиям в человеческой психологии развиваются те черты характера, которые в дальнейшем заставляют его *хотеть* действовать именно так, как ему *приходится* действовать» [10, 362]. Таким образом, можно сказать, что каждое общество так или иначе занимается «производством» у людей их личностной морфологии, которая, в свою очередь, может

ЕРМАКОВ Юрий Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры социально-политических наук Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: Yurii.Ermakov@usu.ru).

© Ермаков Ю. А., 2014

быть как развитием, так и подавлением их подлинной индивидуальности и уникальности. Иными словами, жизнеспособность и успешность разных стран и государств в значительной степени зависят от того, насколько им удалось сформировать и подготовить людей к выполнению определенных общественных обязательств, социальных функций, т. е. направить их энергию и сознание на плодотворное решение стоящих перед ними конкретно-исторических задач.

Разумеется, в человеке на протяжении всей истории сохраняются и общие, инвариантные черты, обеспечивающие преемственность общечеловеческой эволюции, ее связность и единство при всем многообразии общественных форм и проявлений человеческой природы. И вместе с тем формирование новых черт в человеке в основном происходит не преднамеренно, а стихийно, они складываются как результат равнодействия множества переплетающихся между собой и конфликтующих друг с другом социальных сил и влияний. Стихийность и даже бессознательность деяний индивидов в конкретном обществе подчеркивает и лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. Хайек: «Управляемые в своем поведении тем, чему научились, мы зачастую не знаем, почему мы делаем то, что делаем» [11, 44]. Это означает и то, что алгоритмы поведения и восприятия мира люди осваивают постепенно и в значительной степени внерационально, не подвергая, как правило, рефлексии свои привычные и естественные мысли и поступки. Однако методы и способы специфической социализации индивидов в конкретном социуме служат тем не менее вполне определенной трансформации социальных требований, идущих от макроформ человеческого общежития, в личностные качества и черты, т. е. в необходимый данному обществу сознательно-волевой облик человеческих индивидов. Этот фундаментальный факт тесной взаимосвязи между чертами личности и методами ее формирования подчеркивает и Э. Фромм: «Саму структуру общества и структуру личности представителей данного социума нельзя объяснить воспитанием, принятым в данном обществе. Как раз наоборот, сам процесс воспитания членов общества определяется требованиями, которые, в свою очередь, являются результатом процессов, происходящих в социально-экономической структуре данного общества. Тем не менее методика воспитания сама по себе выполняет важную функцию, ее можно рассматривать как некое средство для преобразования социальных запросов в личные качества людей (выделено мной. — Ю. Е.)» [10, 366].

Взаимосвязь особенностей общества и черт личности, опосредованную методами ее формирования, хорошо видно, к примеру, в проектах древних философов. Так, Платон считал, что в идеальном государстве представителям всех сословий необходимы добродетели, обусловленные, в первую очередь, требованиями разделения их труда. Правители должны обладать мудростью и разумом, стражи, охраняющие государство от внешних и внутренних врагов, — мужеством и отвагой, а земледельцы, строители и ремесленники — послушанием, благоразумием и умеренностью в удовлетворении своих нужд. Ученик Платона Аристотель уже и сами формы государственного устройства делил на правильные и неправильные в зависимости от этической природы

царящего в них властного порядка. Так, например, политейю — государствен- ный режим, прототипом которого было правление Солона в Афинах, — он считал наилучшим. В нем господствовали не богачи (олигархия) или бедняки (демократия) с присущей этим сословиям этикой и психологией, а граждане среднего достатка. Именно им, считал Аристотель, в наибольшей мере прису- ща забота об общем благе и счастье других людей. Не случайно великий мыслитель в своем знаменитом определении человека как «политического животного» имел в виду, прежде всего, нравственную («общительную») со- ставляющую человека.

Следует сказать, что традиция проектирования в обществе адекватной ему личности, заложенная в глубокой древности, сохранилась и по сей день. По- нятно при этом, что тип личности («социальный характер», по Э. Фромму), внедряемый в индивида конкретным обществом, меняет, модифицирует его природную индивидуальность. И таким образом частично или полностью превращает этого индивида в адаптированную к жизненным обстоятельствам личность социального функционера. Отчасти эта редукция в социуме проис- ходит и потому, что нарушается определенная мера в соотношении внедряе- мого государством и обществом извне, с одной стороны, и индивидуальной, спонтанной самодеятельности человека — с другой. Нарушение этой сбалан- сированной личности особенно характерно для тиранических, деспотических или автократических обществ, не считающихся с правами и свободами от- дельного человека. В этом случае «проектирование» и «внедрение» из воспи- тания и социализации человека превращается в процесс социально-полити- ческих манипуляций, отнимающих у индивидов их собственную волю, пара- лизующих своеобразие их мышления, креативность и уникальность данных от природы способностей. Вот почему совершенно ясно, что такие государства и общества не имеют исторической перспективы, они обречены на исчезнове- ние в человеческой истории.

Собственно, так и произошло с советским государственным вариантом модернизации российского общества, отличавшимся великими и спаситель- ными намерениями и целями, но плачевно закончившим свой, казалось бы, успешный поначалу исторический путь. В этом судьба советского общества не отличалась от многих других тоталитарных, автократических обществ в XX в., когда национал-социалистические, фашистские, бонапартистские политичес- кие режимы укрепились на огромных пространствах — в странах Восточной Европы, Центральной и Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке, Китае и Северной Корее, в мусульманских государствах Ближнего Востока. Несмотря на разнообразие форм и типов, связанных с историческими, культурными традициями, географическим положением, устройство этих государств имеет и общие черты. Так, для них характерны, как правило, неограниченные воз- можности властей и их командное вмешательство в любые сферы жизни, упор на единую «общенародную» идеологию (марксизм-ленинизм, национал-соци- ализм, маоизм, ислам и т. д.), однопартийная политическая система, монопо- лия на СМИ, общественные организации и все виды организованного наси- лия, милитаризация и полный контроль над экономикой. Однако важнейшим

отличием тоталитарных обществ от родственных им деспотий, тираний, диктатуры или султанистского правления является всеохватывающее огосударствление, установка на однородность и слитность всех без исключения сфер общественной жизни, превращающие государство в самоцель, а индивида — в личностную функцию воспроизводства властных порядков. Вместе с тем государственное засилье и давление само по себе может создать только механическую солидарность в обществе. Авторитарной политикой, репрессиями, а то и государственным террором нельзя решить созидательные задачи, стоящие перед обществом (например, ускоренной индустриализации, урбанизации, выхода в космос и т. п.). Вот почему такому обществу требуется целая галерея социальных типов и характеров, обладающих энтузиазмом, способных к творческому конструированию новых общественных порядков. И — как это произошло в России — в течение десятилетий ожидающих воплощения в жизнь многовековых чаяний, идеалов и надежд на построение самого справедливого в мире общества.

Очевидно, что такие свойства человеческой личности не сформировать с помощью лишь политико-идеологической индоктринации и рассуждений о необходимости воспитания всесторонне развитого индивида, человека труда, интернационалиста и патриота своей страны. Хотя, безусловно, и эти усилия могут привести к практическим результатам, поскольку обладают воспитательным, суггестивным потенциалом. Однако для полноценного конструирования и социализации «новых людей» нужны особые способы, формирующие ключевые параметры человеческой личности — ее мировоззрение и ценности, материальные интересы и алгоритмы мышления, а также убежденность в исторической закономерности и справедливости общественного устройства.

Вот почему переделка человеческой природы и формирование «нового человека», трансформация отдельного индивида во «всемирно-историческую личность» стали мировоззренческим кредо советского общества, обусловившим социально-политические манипуляции людьми в любых сферах их жизнедеятельности — от публичных до самых интимных. Эти манипуляции разрушали автономность связи индивидов со своей семьей, этносом и национальностью, расой, языком, полом, историческими обычаями и традициями. «Атомизированный» таким образом индивид, лишенный идентичности, права на частную жизнь, на гражданское противостояние государству и возможностей свободного построения своей судьбы, неотвратимо ощущал потребность в «спасительной лжи» — социальных иллюзиях, мировоззренческих мифах, дающих ему жизнеспособность и энтузиазм в борьбе за коллективные цели и идеалы. Эту задачу формирования позитивной мотивации в деятельности советских людей решал особый способ их ценностной дезориентации.

Необходимо подчеркнуть, что потребность людей в социальных иллюзиях и мифах активизируется, как правило, в революционный или переходный период развития общества. Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война, голод и разруха в стране, большевистский террор и политика военного коммунизма — эти и другие исторические обстоятельства создавали экстремальные условия для индивидуальной человеческой жизни.

Естественное в этих событиях стремление выжить обуславливало зарождение такого всеобщего духовного настроя, который Питирим Сорокин впоследствии назвал «законом социального иллюзионизма». По свидетельству русского социолога, этот закон особенно явственно проявился в действиях населения России, увлеченного в тот период высокими идеалами: «самоуправление народа», «полная демократия», «мир, хлеб и свобода», «полное равенство», «раскрепощение трудящихся классов», «власть рабочих и крестьян», «мировая революция». «Из одного края великой русской земли до другого проносились они, — с горечью пишет он как очевидец, — заражали миллионы, зажигали их огнем энтузиазма и фанатизма, будили и опьяняли их и возбуждали великую веру к себе и в себя. Казалось, что великий час пробил, вечножданное наступает, мир обновляется и “синяя птица” всех этих ценностей в руках... История еще раз обманула верующих иллюзионистов. Поистине “слепые вели слепых и все упали в яму”» [7, 193].

Очевидно, что закон социального иллюзионизма действует не в результате чьего-то субъективного произвола, а является объективным и устойчивым. Он стихийно воплощается в сознание людей, взаимодействующих в экстремальных исторических обстоятельствах, резко усиливает подчинение индивида массе, личности — толпе, отдельных людей — психологии и действиям больших социальных групп и является свидетельством власти социальных иллюзий над сознанием и волей утративших свою автономию индивидов. В свою очередь, можно вполне предположить, что этот закон становится проявлением в человеческой истории общебиологического закона эволюции приматов и гоминид, находящихся в процессе выживания под контролем групповой формы естественного отбора. Во всяком случае, «иллюзионизм» с очевидностью обнаруживается в индивидуальной активности людей, фанатично приверженных социально-политическим мифам и грезам, но не имеющих адекватных представлений о логике исторических событий и движении общества в целом. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», — так поэтической строкой характеризует П. Сорокин проявление этого закона в сознании и действиях больших масс людей. Показательно, что уже современный социолог Ю. Левада, изучая метаморфозы «советскости» в нынешних россиянах, обнаружил и у них аналогичный феномен. Имея в виду их статистическое большинство, он замечает, что «их легко развлечь, увлечь, и не то, чтобы легко “надуть”, они, скорее, сами просят: “Надуйте нас, пожалуйста. Нарисуйте нам хорошую картинку, и мы обрадуемся”. Ну а поскольку у нас “рисующие” сейчас люди активные, достаточно сообразительные, то эту картинку нам всем и стали рисовать...» [3, 4].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в советском обществе этот «возвышающий обман» воплотился в конечном итоге в логически стройную и эмоционально окрашенную систему мировоззренческих мифов — о «всемирно-исторической роли пролетариата», о «коммунизме — светлом будущем всего человечества», об «извечном антагонизме труда и капитала», о «пролетарской демократии», о неизбежном «загнивании капитализма», о «коллективистской природе человека» и т. п. Совокупность этих идеологических мифологем стро-

илась на стержневой иллюзии, которую с энтузиазмом внедряли в массовое сознание институты пропаганды, образования и воспитания, — об открытии марксизмом-ленинизмом основополагающих законов эволюции человечества, которые неотвратимо приведут к построению на земле коммунистического общества. Мощь и сила влияния этого мифа заключались в том, что он отвечал извечным чаяниям человека, мобилизовал архетип о будущем воцарении на земле, превращая эту реликтовую человеческую интенцию в актуальное средство социально-политической регуляции повседневной жизни людей.

В действительности же система мифов вытесняла адекватное восприятие реальности, замещая его знанием иллюзорным и воображаемым, делающим, однако, человека терпимым и нечувствительным к воздействию экстремальных факторов своей жизни. Кроме того, мифы являлись убедительным аргументом легитимации власти тоталитарного государства, успехи политики которого, подчас умело инсценированные, обеспечивали прямую их связь с конструированием новой, советской реальности. Этот параллелизм и гарантировал эффективное закрепление идеологических концептов в общественном сознании.

В субъективно-индивидуальном плане культивирование иллюзорного сознания посредством социальных институтов (школа, вуз, СМИ, искусство, общественные науки т. д.) фактически имело главной целью формирование иррациональной, а подчас и фанатичной веры в ценности революционных преобразований, неизбежность построения социализма, воспитание личности коммунистического типа, утверждение культа государства и государственности, сакральности авторитета партии большевиков и т. п. И, соответственно, полное признание политики государства, пусть и ценой больших издержек, жертв воплощающего их в жизнь. Формирование в индивидах этой веры было архиважным, поскольку ее наличие освобождает людей от необходимости собственного анализа реальности, прорыва к ней сквозь пелену дезориентации. Словом, усилия индивидуальной интеллектуальной работы такая вера делает излишними, она служит для индивида средством упрощения, редукции сложных фактов и событий, позволяя приписывать им уже готовый идеологический смысл. В конечном итоге иррациональная вера становится важнейшим компонентом идейно-политической убежденности личности и сплачивает людей на основе общих ценностей, незримо скрепляя при этом солидарные отношения между субъектами и объектами политической власти. Кроме этого иррациональная вера, пронизывая собой основные компоненты структуры личности (знания, чувства, влечения), обеспечивает ее добровольное самопринуждение к повиновению, к «исполнению долга» перед государством, партией, трудовым коллективом и т. д. Другими словами, в отношении человеческой индивидуальности эта вера играет репрессивную роль, заменяя внешнее насилие — насилием символическим, направленным на придание позитивного значения и смысла любым, даже самым абсурдным и разрушительным проявлениям политики властей.

Следует еще раз подчеркнуть, что таким образом ценностная дезориентация с помощью мифов, идеологием, социальных грез и иллюзий стала символическим насилием над людьми. Эффективность этого насилия заключается

в том, что люди его в повседневной жизни не ощущают, о нем подчас даже не ведают, хотя «добровольно» действуют в окружающем мире под его непосредственным влиянием.

Результатом этой дезориентации и насилия становится, прежде всего, появление людей — сознательных апологетов советского строя. Они действуют в первую очередь в структурах идеологической, политико-экономической власти в качестве руководителей — проводников линии режима и освящены доверием партии и государства. В конечном итоге эти высшие должностные лица превращаются в неприкасаемую касту, наиболее полно воплощающую в себе великие коммунистические символы и идеи. Под влиянием сакрализации у этой категории людей их подлинная индивидуальная личность уходит в тень и становится невидимой и незримой. Однако на ее месте как бы возникает «другой субъект», заменяющий ее в общественном мнении и массовом сознании. Хотя, по описанию историков, многие высшие советские лица были весьма посредственными и даже ничтожными людьми (канцелярист Молотов, злобный палач Мехлис, хитрый кадровик Маленков, безликий Шверник и т. д.) [1, 47].

Однако наиболее ярко ценностная дезориентация проявилась в формировании в массе рядовых людей — личностей апологетов-энтузиастов, закодированных масштабом социалистических преобразований, приобщенностью к великим «историческим перспективам». Энтузиазм фонтанировал у многочисленных рекордистов в различных отраслях народного хозяйства, у первопроходцев, а также у поющих гимн «свободному труду на благо общества» интеллигенции и интеллектуалов. Даже, например, выдающийся писатель-реалист М. Горький воспринял строительство советскими заключенными Беломорканала как апофеоз «социалистического труда».

Вместе с тем советская технология дезориентации человека служила не только формированию определенного типа личности. Она выполняла также инструментальную роль, поскольку стала оправданием различных форм государственного насилия. В частности, превратила осуществление сталинским режимом репрессий в легитимный в глазах населения процесс. Вот почему судебные процессы над «врагами народа», поддержанные мощной пропагандистской машиной, вызывали массовую поддержку, «праведный гнев» и коллективные требования безжалостной расправы с подсудимыми. Более того, ценностное оправдание насилия в качестве иезуитской манипуляции и как яркий факт советской истории проявилось в знаменитых самоговорах старых большевиков, поскольку они «в интересах партии и социализма» вполне сознательно и добровольно одобряли свое тюремное заключение и сталинские казни. В этих многочисленных самоговорах с потрясающей очевидностью обнаружился злокачественный характер дезориентации тех, кто по своей воле приносил себя в жертву фанатичной вере и мифологии, идеологически обслуживающих советский строй.

Ценностная дезориентация служила не только способом легитимации одних видов насилия, но и сокрытием, маскировкой других. Так, всеобщий государственный наем превращал всех работников в городе и деревне в подне-

вольных и госзависимых, поскольку исключал возможность выбора человеком иных форм труда и занятости. Однако это принуждение к трудовой деятельности в контексте всеобъемлющей зависимости от государства нуждалось в идеологическом прикрытии, парализующем осознание работником своего полукрепостного положения. Поэтому индивиды с раннего детства через систему образования, воспитания и пропаганды впитывали миф о «советском человеке — хозяине своей страны». В нем полная подчиненность работника государственно-бюрократической собственности была представлена в качестве «хозяйского» отношения к не принадлежащему ему имуществу, подневольный труд выдавался за «свободный труд на благо общества», а насильная прикрепленность беспаспортных крестьян к земле, горожан через прописку — к жилью свидетельствовала о наличии у них права на «общенародную» собственность.

Кроме того, господство партийного государства в отношении собственности маскировалось и совокупностью политических симулякров — паллиативных общественных организаций, призванных культивировать в человеке «чувство хозяина». Советы трудовых коллективов и народный контроль на производстве, рабочие бригады коммунистического труда, профсоюзы как школа государственного управления — эти и другие социальные институты наряду с реальной деятельностью должны были развивать в индивидах «чувство хозяина» всего имущества в стране, создавать у них иллюзию обладания «общенародной» собственностью, воспитывать ответственность за ее сохранение и приумножение.

Так, в сочленении с ценностной дезориентацией действовала еще одна советская технология формирования «нового человека», культивировавшая в подневольных и госзависимых людях личность псевдособственника. В ней были задействованы естественные для нормального человека материальные интересы, которые в результате их «переформирования» обретали не свойственную им от природы ложную направленность. И дело здесь в иррациональном характере собственности в СССР, которая именовалась «социалистической», «общенародной», «государственной» и т. п. Однако ни одно из этих имен не раскрывало ее противоречивый характер, обусловленный антагонизмом ее внутренних свойств. Так, этот тип отношений собственности был как будто бы основой материальной и духовной жизни населения страны, и в этом смысле собственность принадлежала всем (была общей) и никому в отдельности. Вместе с тем функции реального управления этой собственностью были в руках номенклатурной бюрократии и позволяли ей достичь (в сравнении с остальным населением) высокого уровня личной материальной обеспеченности. Однако это совсем не означало, что доходы от собственности могли быть ею капитализированы, давать управленцам законную частную прибыль и дивиденды. В значительной степени эти доходы обеспечивали различные льготы и привилегии партгосноменклатуры, превращавшие ее в замкнутую касту с собственным циклом самообеспечения: от жилых зданий повышенной комфортности, специализированных магазинов, закрытых медицинских служб, образовательных учреждений, санаториев, дач и домов отдыха до особого доступа к эксклюзивной политической информации, западному искусству, возможности регулярных поездок за

границу и т. п. Это рентное существование политбюрократии удалось обеспечить себе еще и потому, что она скрывала от общества не только свое безраздельное господство, но и — самое удивительное! — сам факт своего существования. Уход в мнимое небытие целого сословия был обеспечен, в частности, дезориентацией общественных наук и массового сознания, куда принудительно внедрялась фальсифицированная в сталинский период социологическая схема структуры населения (рабочий класс, крестьянство, служащие и интеллигенция), позволявшая номенклатуре прятаться в массе «государственных служащих» или произвольно относить себя к «народной интеллигенции». Благодаря такому теневому владычеству и выдавая публично свои интересы за общенародные, номенклатура тайно присваивала в процессе распределения и использовала для приумножения своей власти значительную долю общественного богатства, созданного трудом всего населения.

Думаю, что недалек от истины был К. Маркс, когда в «Экономико-философских рукописях 1844 года» описал будущий казарменный строй (каким и был в значительной степени советский уклад), возникающий на основе так называемой «всеобщей частной собственности» [5, 114]. Он точно при этом назвал взаимоисключающие предикаты этой собственности: частная и одновременно общая. Принадлежа всем и вообще формально кому попало, она была изначально обречена на экономическую неэффективность из-за безответственности ее «владельцев», способных лишь к «всемирной тащилровке» (всего, что плохо лежит), к грубому стяжательству и погоне за дефицитными вещами. С другой стороны, будучи «частной», она де-факто являлась «номенклатурной собственностью», поскольку позволяла создавать для управленческой верхушки (сотен тысяч партийных функционеров и советских бюрократов) незаконные привилегии, присваиваемые ею в процессе монопольного распоряжения материальными ресурсами страны.

Следует подчеркнуть, что под «привилегиями» я не имею в виду легальные преимущества, которые необходимы для материального обеспечения полномочий органов власти, а также льготы для социально уязвимых слоев — многодетных семей, инвалидов, безработных, пенсионеров, учащихся и т. п. Я имею в виду законодательно не закрепленную архаично-рентную форму распределения материальных благ и социальных ценностей (рекреационных, информационных, правовых, культурных), которая крепила иерархическое строение общества, служила укоренению отношений начальствования и подчинения, пронизывающих его сверху донизу. В условиях острого дефицита материальных ресурсов для повседневной жизни и бытовых товаров эти привилегии — избыточные квадратные метры и комфортные помещения для жилья, регулярные продуктовые пайки с икрой, бесплатные путевки в закрытые санатории и дома отдыха, заграничный туризм, персональный транспорт и личная телефонная связь, наличие для семей бюрократов удобных госдач и т. п. — затрагивали тончайшую материю социально-нравственной мотивации людей и очень часто становились истинным смыслом их общественной активности.

Примечательно, что сама этимология слова «привилегия» достаточно красноречива: *privus* — отдельный, особый, единичный и *lex* — закон, отсюда

privilegium — специальный закон для отдельного лица. Наличие масштабных (по тем временам) привилегий у партийного, советского начальства и хозяйственных руководителей отражало всеобщую экономическую зависимость граждан от государства и было своеобразной оплатой отсутствия в стране полноценной частной собственности. Вместе с тем в силу своей незаконности и скрытности система привилегий являлась своеобразным подкупом государством своих служащих и была рассчитана на стимулирование их лояльности и преданности ему и его политике.

Подчас наличие номенклатурных привилегий обосновывалось необходимостью повышения эффективности государственной власти и хозяйственного управления в стране. Однако эти многочисленные господачки порождали в партийно-государственном аппарате такие широко распространенные явления, как оголтелый карьеризм и отрицательный кадровый отбор. Чем выше индивид поднимался по служебной лестнице, тем больше он мог извлечь из своей должности самых разнообразных благ и преимуществ, которые очень часто компенсировали его невысокую денежную оплату. Таким образом, объективная логика этого продвижения не только повышала в индивиде самооценку, но и масштаб привилегий становился знаком, удостоверяющим возрастающую полноту реализации его личности. Так, в госпартаппарате, хозяйственной и общественной сферах многочисленная армия назначенцев и выдвиненцев измеряла свою общественную значимость количеством прилагаемых к должности социальных благ и привилегий. Однако такая карьерная «самореализация» индивидов, компенсирующая отсутствие личной экономической свободы, требовала от них и соответствующих качеств — чиновничества, умения расчетливо льстить и хитрить, смердяковской проницательности в угадывании желаний вышестоящего начальства. С другой стороны, тайный государственный подкуп и подачки, номенклатурная рента обязывали советскую генерацию выдвиненцев и назначенцев к проявлению «административного восторга» по поводу политического курса. «Безликие, местечковые угрюм-бурчевы, некомпетентные ни в чем, но мобилизованные и призванные партией, обретавшие вдруг компетенцию во всем, ломатели дров, головотяпы, они были абсолютно свободны от комплексов, не испытывали неудобств от собственной внутренней ущербности... Склонные к коридорным играм, нашептываниям, подсиживаниям, возне по добыче наград, выбиванию привилегий, представители этой группы — плоть и кровь аппаратчины» [8, 109].

Вместе с тем не следует забывать, что стремление к собственности, имеющее природную основу, неизбежно для человека, его невозможно окончательно уничтожить. Не случайно русский философ С. Франк отмечал, что «...частная собственность... в самом своем принципе есть условие свободной самостоятельности человека перед лицом космического факта “хозяйственной” нужды, т. е. зависимости человеческой жизни от обладания материальными благами» [9, 393–394]. Кроме того, специалисты самых разных отраслей знания подчеркивают, что частная собственность в своем существе является мерой, посредством которой индивидуум опознает себя как социального субъекта, защищает себя и определяет свое место в обществе. Свобода, даваемая индивидуальной

частной собственностью, создает автономное пространство для жизни человека в обществе, увеличивает возможности и ресурсы его выживания и самоутверждения. Вот почему искоренить интерес к собственности нельзя, однако, как оказалось, им можно с успехом манипулировать, т. е. преобразовать его в стремление обрести собственность на власть, на право безраздельного и монопольного распоряжения материальными и людскими ресурсами, а следовательно, можно культивировать в человеке установку на занятие в политико-управленческой иерархии такого места, такой должности, которые легализуют его превращенные собственнические наклонности в качестве санкционированных обществом.

Иными словами, карьерное самоутверждение индивида, сопряженное с получением все новых привилегий, социальных благ, различных льгот, стало своеобразным институтом преобразования его материальных интересов — в социально-статусные, автоматически переключающим его жизненную активность, его энергию на иную сферу — обеспечение устойчивости и функционирования советской партийно-государственной системы. Так тоталитарный режим, лишив естественные наклонности человека нормальных каналов реализации, превратил их в тайное и изощренное корыстолюбие, овладевшее многомиллионным аппаратным людом и армией больших и маленьких начальников. Из них и формировалась прежде всего рать «опричников» и «псов» сталинского режима — «кадры, которые решали все». Таким образом действовал на уровне отдельных индивидов механизм «всеобщей частной собственности» (К. Маркс), обращавший их материальный, корыстный интерес в приверженность служению советской власти, компартии, «идеалам социализма и коммунизма».

Конечно, нельзя забывать, что у десятков миллионов рядовых граждан приверженность советским порядкам формировалась также бесплатным образованием и медициной, их прикованностью к «трудовому коллективу», вне которого невозможно было для абсолютного большинства получать жилье и зарплату, места в детских яслях и садах, путевки в санатории, дома отдыха и пенсионное обеспечение. Однако скудность рынка потребительских товаров, их хроническая нехватка и связанное с этим широко распространенное «блатное» присвоение дефицитных благ, воровство, жульнические махинации предметами потребления — все это говорило о крайней неэффективности «социалистической собственности». Однако иллюзия о наличии своей «доли» в ней у каждого советского человека коренилась, в свою очередь, во вселенском, тиражируемом миллионами газет, журналов, фильмов и телепередач мифе о том, что в масштабах огромной страны возможен такой тип собственности, когда она одновременно принадлежит всем и никому в отдельности. Препятствием для осознания утопичности этих экономических отношений служила другая советская технология — принуждение к единомыслию («думаю как все», «мыслим как один»).

Теоретическая основа данного вида духовного насилия была заложена в свое время В. И. Лениным. Его хорошо известная идея о необходимости привнесения «социалистического сознания» и идеалов в стихийное рабочее движение, которое само-де, своими силами такое сознание выработать не сможет [4],

воплотилась впоследствии в широко разветвленную политико-экономическую и идеологическую систему принуждения к единомыслию. Целью этой системы стала выработка у людей общих алгоритмов восприятия окружающего мира, единообразия взглядов на события повседневной жизни, на историю, государственность, будущее, на смысл научных открытий, произведений искусства и т. д. Кроме того, ленинская идея, воплотившись в жизнь, санкционировала всеобъемлющий контроль государства за мыслями, чувствами и убеждениями отдельных индивидов, всеобщую регламентацию их сознания, его подверстывание под одобренные в верхах стандарты, стереотипы, ценностные и культурные установки.

Нужно подчеркнуть, что единомыслие прививалось подспудно — всем образом жизни в советском обществе. В экономической сфере этому служил механизм уравнивания материальных условий жизни основной массы населения — гипертрофированный эгалитаризм, включающий внеэкономические критерии и оценки результатов труда, товарного обмена и предоставления госпредприятиями услуг потребителям. Эгалитаризм приводил к «равенству в бедности», а также культивировал уравнивательные настроения во всей гамме общественных отношений: если какие-то трудовые коллективы бедствовали, то другие благоденствовать уже не могли. Индивидуальная экономическая инициатива, сопряженная с личным обогащением, считалась преступлением и подвергалась уголовному преследованию.

В социальной сфере единомыслие порождалось стандартизацией общественной жизни индивидов — их всеобщим прикреплением к трудовым коллективам, нацеленным на выполнение единых государственных планов, программ и обладающим одинаковой структурой управления. Администрация, партийная, профсоюзная, комсомольская организации насаждали равнозаместимость индивидов, примитивный коммунальный коллективизм, построенный на принципе: интересы коллектива всегда превыше интересов отдельного человека (даже если последнему наносится значительный ущерб). Этот принцип породил самые разнообразные формы препятствования и методы блокирования индивидуально-личностных проявлений, не вписывающихся в регламентированную жизнь коллектива. Как очень точно сказал известный русский социолог А. Зиновьев, трудовой коллектив при социализме являлся первичным социальным механизмом «коллективистского закрепощения личности» [2].

В политической области навязывание единомыслия осуществлялось в первую очередь угрозой применения негативных санкций. Под их дамокловым мечом в обществе формировалась атмосфера страха, боязни остракизма, арестов, репрессий, которым мог быть подвергнут любой индивид вне зависимости от своих заслуг перед обществом. Именно в политической области единомыслие достигалось в обмен на возможность самой жизни людей, как санкционированное властями условие их простого физического выживания.

Оборотной стороной такой политики стало формирование психологии покорности и повиновения, а также апатии, трусости и подозрительности — качеств, превращающих диктат властей во всеобщую разобщенность подданных государства. Не случайно в советский период у населения почти отсутствовали

возможности и навыки гражданской самоорганизации. И поэтому угроза произвольного применения властями всевозможных санкций принуждала индивидов сопрягать свои стремления не с выработанной индивидуально, а с привнесенной извне системой представлений и ценностей.

Внедрению этих представлений способствовал хорошо налаженный идеологический механизм власти. Идеология выполняла как функцию производства познавательной-ценностной картины мира (что служило основой для ценностной дезориентации), так и функцию повсеместного контроля за духовной жизнью людей, управления их мышлением. Благодаря идеологическому диктату единство и слитность советского общества достигали апогея в однородности (гомогенности) мышления индивидов, в их особой идеологической ментальности, предписывающей и характер познавательных реакций, и специфику оценок окружающего мира, и качества межличностного общения, и действия в соответствии с этим складом мышления. Точнее говоря, сформированная идеологическая ментальность являлась не столько способом понимания мира, сколько формой духовно-практического приспособления индивидов к советскому обществу, интеллектуальной «подгонки» к нему.

Выработка идеологической ментальности осуществлялась в двух основных направлениях. Во-первых, это была политико-идеологическая индоктринация в системе образования, просвещения и воспитания, включающая обучение навыкам и правилам мышления в соответствии с заданной идеологией картиной мира и местом в ней человека. Здесь были задействованы такие институты, как общественные науки, печатная, устная и радиотелевизионная пропаганда, наглядная агитация, искусство социалистического реализма, образовательные учреждения — от детских садов, школ до университетов. Фактически партийно-идеологическое образование и воспитание сопровождали человека с раннего детства до глубокой старости. И, будучи пенсионером, ветераном труда, он нередко был обязан повышать свой «идеологический уровень» в университете марксизма-ленинизма или на регулярных лекциях общества «Знание». Препятствием для выработки индивидуального взгляда на мир, его адекватного восприятия служило также насаждение в общественном сознании различных культов: коммунистической партии и ее вождей, подвига и самопожертвования, советской власти, коллективизма, интернационализма, революционных преобразований и т. п. Эти и многие другие духовные культы являлись своеобразными «опорными сигналами», указывающими индивидам «правильность» процессов их мышления, восприятия различных событий. Координацию, взаимодействие и субординацию всех учреждений и средств формирования единомыслия, их объединение в эффективную систему «промывки мозгов» осуществляли партийные секретари по идеологии, отделы науки, агитации и пропаганды, действовавшие в структурах компартии и комсомола — от низовых комитетов на производстве до центральных комитетов в Москве.

Второе направление, нацеленное на укоренение единомыслия и его «производство» в массовых масштабах, — инкорпорация граждан в практическую деятельность идеологического механизма власти. Многочисленные собрания, митинги, праздничные демонстрации, кампании по осуществлению постанов-

лений партии и правительства, разнообразные виды так называемой «общественной работы» укрепляли идеологизированную структуру мышления населения. Кроме того, громадный идеологический механизм, затраты на который были сопоставимы с тратами на военно-промышленный комплекс, подспудно формировал у обычных людей солидарность и с партгосаппаратом, ибо включение в совместно-разделенную деятельность с ним принуждало разделять и навязываемое мировоззрение, систему идеологических мифов, стереотипов и символов.

Но чем масштабнее становился идеологический механизм власти, апогей развития которого пришелся на годы правления Л. Брежнева и М. Суслова, тем стремительнее падала его эффективность в формировании единомыслия. Бесцеремонное навязывание идеологических постулатов постепенно обнаруживало их слабость, расхождение с фактами реальной жизни. На смену безоглядной вере приходило сомнение, отрицание или цинично-прагматическое отношение к ним как к чисто формальным условиям приспособления к советским порядкам. Так внешнее принятие индивидами этих постулатов становилось вынужденным ритуалом, исполнение которого позволяло относительно безопасно строить частную жизнь. В итоге принуждение к единомыслию формировало личность приспособленца — конформиста, для которого имитация единомыслия была, в сущности, защитной реакцией на невозможность изменить устои советского общества. Эта интеллектуальная мимикрия для множества людей обернулась личностной незрелостью, пассивностью, иждивенчеством, снятием с себя всякой персональной ответственности за свою судьбу и происходящее в обществе.

Однако не только конформизм и приспособленчество стали личностной реакцией людей на принуждение к единомыслию. На всем протяжении существования советского общества было немало людей, которые в той или иной форме находили в себе силы противостоять духовному насилию. К этой группе, рассредоточенной в разных слоях, классах, коллективах советского общества, применялась эффективная технология изменения их личности — превращение во врага (антисоветчика, спеца-вредителя, отщепенца, изгоя, кулака-захребетника, внутреннего эмигранта, оппортуниста, диссидента, оппозиционера и т. п.).

Хорошо известно, что придумывание все новых угроз и образ врага являлись неизменным компонентом мобилизационной атмосферы закрытого советского общества. Они служили укреплению его монолитности, орудием создания идейно-политической однородности сознания живущих в нем людей. Отчасти образ врага в лице, прежде всего, Запада сформировался в результате иностранной интервенции в период Гражданской войны, длительного существования России во враждебном окружении стран с иным социальным строем, антикоммунистической активности русской эмиграции, а также вероломства руководителей западных держав, сумевших направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза. Кроме того, образ врага на протяжении десятилетий служил в глазах населения оправданием существования «железного занавеса». Этот образ поддерживался и накалом «холодной

войны», требовавшей выявления все новых и новых враждебных сил и персонификаций.

Вместе с тем внутри советского общества к выявлению новых «врагов» в лице определенных социальных групп, классов, этносов и отдельных персон неизбежно вела сама логика принципиальной невозможности осуществления утопических проектов и целей, логика ценностной дезориентации. Расхождение между идеалами и реальностью порождало необходимость пропагандистского объяснения возникающих трудностей с тем, чтобы вновь и вновь мобилизовать миллионы людей на проведение политики властей.

В свою очередь, мобилизационная обстановка в стране, периодическая необходимость физического выживания различных слоев населения генерировали политический негативизм, идейную бескомпромиссность на основе бинарной оппозиции: «мы или они», «кто не с нами, тот против нас», «друг или враг», «патриот или предатель» и т. п. Кроме этого подневольный труд, тотальное принуждение к советским порядкам превращали миллионы государственных подданных в потенциальных мятежников и бунтовщиков, у которых накапливался изрядный запас недовольства, возмущения и агрессии, требовавших выхода. Вот почему даже при отсутствии реального врага всеобщая потребность в нем так или иначе воспроизводилась условиями жизни в советском обществе. Его образ становился мощной проекцией многочисленных страхов, фрустрированных желаний и чувств, а также воли к выживанию, сопротивлению и борьбе с жизненными трудностями, т. е. носил очень часто неадекватный, условный и иллюзорный характер.

Отсюда понятно, почему во врагов и изгоев превращались в первую очередь люди с отклоняющимся от общественных стандартов поведением и образом жизни. Словом, те, кого можно обозначить как антитоталитариев, обладавших, независимо от рода занятий, самостоятельностью, яркой индивидуальностью и подчас противостоящих самим фактом своей особенной жизни советским устоям. Однако статус отщепенца и изгоя обретали нередко и самые обычные люди, если потребность во «враге» обострялась в результате политической конъюнктуры или под влиянием экстремальных общественных трудностей и обстоятельств.

Наиболее очевиден злокачественный характер попыток обращения индивидов в «советского человека» на низовом уровне, в трудовых коллективах, ибо простые люди под давлением теряли адекватную самооценку, а то и ломались, спивались или окончательно становились апатично-инертными «винтиками», страшась самых мизерных проявлений своей непохожести на других.

И все же тактика искоренения «врагов» применялась прежде всего к людям независимым, оригинальным, могущим создать в различных областях жизни опасные прецеденты — соблазнительные образцы проявлений своей индивидуальности и уникальности, подрывающие этим регламентированные устои советского порядка. Кроме того, превращение таких людей во «врагов» было продиктовано нередко и корыстными мотивами властей. Чтобы сохранить статус-кво, власти были вынуждены хотя бы частично улучшать условия

жизни населения и поэтому перехватывали инициативу у улучшенцев-реформаторов, навсегда отлучая последних от авторства своих предложений и идей.

Социальный механизм превращения во врага представлял собой, прежде всего, систему формально-юридических законов, обраставших множеством дополнительных ведомственных и секретных инструкций, постановлений органов исполнительной власти. В результате применение этих законов зависело, по большей части, от произвола властей, которые при избавлении от неудобных лиц, наказании социальных групп или этносов всегда могли прикрыться «государственными интересами», «революционной целесообразностью» или «мнением трудового народа». Кроме того, практиковалось тайное судопроизводство («тройки»), фактически отсутствовали презумпция невиновности и защита прав и свобод личности. Даже первичный трудовой коллектив обладал «правом на произвол» в отношении отдельных его членов и вытаскивал из своих рядов тех, кто вызывал беспокойство, раздражение и агрессию своей непохожестью на других. В ход вступали такие меры, как проработка на собраниях, общественное обличительство, письма в инстанции, травля в печати, клевета, слухи, устные и письменные «сигналы» органам, физическая изоляция и заключение под стражу, репрессии в отношении семьи неудобного. Власти стимулировали действие этого механизма такими, например, способами, как вознаграждение доносчиков и клеветников конфискованным имуществом обвиняемых.

Ну, а ставший «врагом» был обречен на страдания и душевные муки, в лучшем случае он начисто лишался возможностей улучшить свое материальное и социальное положение и даже беспрепятственно общаться с близкими. Столь обвальное действие механизма формирования «советского человека» выдерживали немногие. И если «разоблаченные» не ломались и не погибали, то они, как правило, «посыпали голову пеплом» и становились приспособленцами.

Разумеется, эта и другие технологии формирования «нового человека» рождали и героических личностей, которые отказывались от личного благополучия и вставали на путь сознательной борьбы с государственным тоталитарным режимом. Они, как, например, А. Солженицын, выступали против произвола и репрессий властей, монополии партии и коммунистической идеологии, за права человека, свободу его совести, за экономическую и интеллектуальную независимость. Однако и эта рассредоточенная в разных слоях и классах группа людей также не могла уберечься от рокового воздействия советских технологий, ибо отвечала насущным потребностям власти в наличии врага. Противодействие людей мощи государственной машины нередко превращалось в навязчивую идею и маниакальность и заканчивалось для них подчас психиатрической лечебницей.

Таким образом, технология превращения во врага выполняла в формировании «нового человека» и укреплении советского строя ряд важных функций. Во-первых, она стала универсальным способом объяснения трудностей, периодических сбоев государственной машины в выполнении своих задач и, соответственно, оправданием произвола и диктата властей. Во-вторых, она была эффективным средством достижения сплоченности, монолитного единства

населения страны и посредством оппозиции «мы и они», «он против нас» формировала манихейское черно-белое восприятие действительности. В-третьих, она стала удобной формой переключения недовольства, раздражения и агрессии людей против властей и условий жизни на такой объект, который обеспечивал безопасную для режима канализацию и «утилизацию» негативных общественных настроений. В-четвертых, это был наиболее результативный метод избавления от неугодных властям лиц. В итоге он приобрел не только практическое, но и ритуально-символическое значение как в партийно-государственном аппарате, так и в первичных ячейках общественного организма (в трудовом коллективе и даже в семье). В-пятых, применение этой технологии становилось превентивной мерой против привлекательных образцов мышления, поведения и образа жизни, которые могли получить распространение в результате жизнедеятельности анти тоталитариев. Кроме того, власти, перенося накапливаемую подневольными массами агрессию и ненависть на «врага», предупреждали возможные социальные недовольства и взрывы. И последнее: эта технология манипулирования человеком обеспечивала согласованное действие других способов, названных выше. В совокупности эти технологии обретали свойство резонанса, взаимоусиления и, охватывая своим действием все население, каждодневная жизнь которого целиком зависела от государства, приводили к всеобъемлющей деформации человеческой личности. Кроме того, вместе они укореняли тоталитарный властный порядок, господство которого на протяжении десятилетий базировалось на новом антропологическом типе человека, названном впоследствии «гомо советикус».

Этот тип человека являлся свидетельством и символом монолитного единства советского общества, он отличался тем, что адекватное, построенное, прежде всего, на здравом смысле понимание реальности у него было в значительной степени замещено утопической, иллюзорно-мифологической картиной мира. Для него был характерен также отказ от ценностей мировой цивилизации — религии, права, собственности, семьи, общечеловеческой морали и т. д. И напротив, он обладал иррациональной верой в такие псевдоценности, которые в совокупности порождали социальную ненависть и напрочь отрицали самоценность человеческой личности. Кроме того, его мышление было сковано идеологическими стереотипами, личные потребности низведены до крайней скудности, ему был присущ панический страх перед малейшими «проблесками» своей и чужой индивидуальности. Словом, он был порождением стремления тоталитарного общества к статус-кво за счет переработки индивидуальных личностей в обширные терриконы «человеческого материала». Не случайно А. И. Солженицын в свое время с горечью утверждал, что соотношение между «русским» и «советским» такое же, как между человеком и его болезнью [6, 306].

Постепенное исчезновение в старшем поколении нынешних россиян идентификации с «советским человеком» еще раз подтверждает неоднократно высказанную мысль о том, что социальное проектирование «новых людей» пагубно в принципе: природа человека меняется чрезвычайно медленно, не за одно и не за два поколения. И этот императив служит ограничением для всех попы-

ток в будущем сознательно его сконструировать. Кроме того, подобные начинания фактически исключают фундаментальный жизненный выбор и самосозидание индивидом своей личности, а только эти усилия и способны в конечном итоге вырастить из «очеловеченного примата» — человека в подлинном смысле этого слова.

-
1. Баткин Л. М. Сон разума // Осмыслить культ Сталина. М., 1989.
 2. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994.
 3. Левада Ю. «Человек советский» : публичные лекции : [сайт «Полит.ру»]. URL: <http://www.politic.ru/research/Lectures/2004/04/15/Levada.html>.
 4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 189 ; Т. 6. С. 30.
 5. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42.
 6. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 9 : Публицистика: статьи и речи. Париж, 1981.
 7. Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4.
 8. Философия власти. М., 1994.
 9. Франк С. Л. Ересь утопизма // Квинтэссенция : филос. альманах. М., 1992.
 10. Фромм Э. Бегство от свободы. Москва ; Минск, 2007.
 11. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.

Статья поступила в редакцию 21.04.2014 г.